

ПОСЛЕДНИЙ ВАРЯГ

ИЛЬЯС СИБГАТУЛИН

Ильяс Сибгатулин

Последний варяг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68307143

SelfPub; 2023

Аннотация

Темный мир, чужая земля, жуткие обитатели... неважно. Все они преклонят колени или лишатся головы, рук, ног... Мы – сыны Вотана. Нам покоряются или умирают. И мы будем сражаться, даже если на чужой земле останется лишь последний варяг. Ведь в конце нас ждет Вальхалла!.. Но подожди... кто эти мерзкие твари?!.

Содержание

I	5
II	10
III	14
IV	17
V	19
VI	23

Ильяс Сибгатулин

Последний варяг

I

Было еще темно, когда наш драккар прорыл носом берег неизвестной земли.

"О, Вотан, куда ты занес своих верных детей?"

Было темно, поэтому мы сразу увидели огненные стрелы, летящие в нас.

– Щиты! – скомандовал конунг.

Темнота на мгновение окутала взор. Щит заслонил свет огненного дождя. Я присел и в этот момент впервые коснулся рукой этой чужой земли. Мокрый песок, клочки выброшенной морской травы – в темноте все, будто как дома. Но все же иное.

А затем огненный дождь обрушился на нас.

Я чувствовал, как втыкаются в мягкую землю острые наконечники в нескольких ладонях от меня. Пара стрел попала в щит, но он выдержал.

А затем из темноты раздался оголтелый вопль.

– Эйдар, – позвал друида конунг, – действуй. Во славу Одина!

Мы ринулись в бой. Те, кто отправлял в воздух огненные стрелы, уже ждали нас. Враги ли они нам? Или просто испугавшиеся чужеземцев люди?

«Не когда думать! Вотан зовет! Висельнику нужна кровь, чтоб она его корнями проросла на этой новой земле! Во сла-

ву Одина!»

Завязался бой.

А друид пока погрузил руки в рыхлую черную землю неизвестных краев и стал взывать к богам, прося у них и матери-земли благословения.

Но времени таращиться на магию Эйдара не было – на меня несся огромный силуэт. Ночная мгла скрывала лицо, но выдавала мощную фигуру в диковинных тряпках. В руке враг держал копьё с примитивным наконечником. Хозяин этой земли и теперь защищающий ее от вторженцев. На что он рассчитывал, на что они все рассчитывали – с таким убогим оружием, без добротной брони?

Мы завоеватели! Покорили множество земель. Что нам их точенные копья и оголтелые вопли, когда с нами Вотан! Смелый конунг и друид с его магией ведут нас, а мы готовы рвать всех и покорять.

На что рассчитывал этот здоровяк, прыгая на меня со своим копьём?... Я быстро ушел в сторону и рассек глупцу живот. Из соседних кустов на пляж выпрыгнул еще один. Этого я смог рассмотреть – огонь от воткнутого в землю и в трупы стрел все еще давал свет. А некоторые мои братья принесли с корабля факелы.

Я пригляделся к выпрыгнувшему воину. Одежда из звериной кожи, лысый череп, дикий взгляд. Если бы он был из наших, то я бы подумал, что это берсерк.

Воин метался из стороны в сторону, нанося мне быстрые

удары, вертелся у ног, пытаясь сбить. Не выходило у него – я отражал атаки и старался нанести сильный удар.

В итоге зацепил его ногу мечом. Он взвыл и бросился вперед. Я рванул вправо, под его руку с топором и вонзил меч в бок. Враг повалился на землю, захлебываясь кровью.

А я быстро успел оглядеть поле боя.

Мы побеждали, оттесняя врагов к песчаным холмам.

Друид что-то продолжал ворожить, шепча свои заклинания. Недалеко конунг, весь измазанный вражеской кровью, расправлялся с двумя наступающими на него невысокими юношами.

У меня было несколько мгновений, чтобы осмотреть себя. Быстрый взгляд. Только тут понял, что моя клепанная броня рассечена на животе пополам, шлем треснул, а щит немного дымится от огненной стрелы.

«Чтоб вас йотуны синерукие утащили под землю!.. Ладно...»

Снимаю броню, скидываю шлем, щит тушу песком.

Снова готов к битве.

«Хель, не дожدهшься! Меня встретят прекрасные валькирии!»

Но тут внезапно слышу:

– Стрелы!

Проглядел момент! Огненный дождь уже совсем низко, вот-вот накроет своим смертельным жаром!

Еле-еле успел поднять щит и тут же почувствовал острую

боль в неприкрытом плече и совсем незащищенной правой ногое.

– Проклятые шавки! Сучьи отроды! – Не выдерживаю я, крича на притаившихся врагов, – Только трусы стреляют из луков! Настоящие мужи сражаются в открытом бою! Только ночная тьма спасает вас от моего меча и гнева Одина! Выходите все!..

Но тут я оглядываю берег и вижу, сколько моих братьев пало от стрел. В этот раз щиты поднять успели не все. Наш отряд поредел.

Огонь закипает во мне.

– Увольд... – внезапно слышу я за спиной слабый, но все еще знакомый голос.

– Берон, – он прислонился к носу драккара. Живот вспорот, рядом лежат поверженные чужаки, – Не пощадила тебя Хель.

Мой друг слабо улыбается, а затем шарит рукой по песку. Я вкладываю его топор в дрожащую руку.

– Не наша эта земля, Увольд, – чтобы разобрать в битве его шепот, я склоняюсь над самым лицом умирающего Берона, – Мы слишком далеко заплыли.

– Не тревожься, друг мой. Прекрасная валькирия уже ищет тебя.

– Да...

– Отправляйся за ней в Вальхаллу. И жди меня. Мы еще попируем в день Рагнорека.

Последние мои слова могучий Берон уже не слышит.

«Вотан, прими этого достойного воина в свою армию. Эта жертва тебе, Висельник!»

Я встаю и иду в битву.

«За Берона! За Одина!»

И продолжаю крушить черепа набегающих на меня смельчаков в диковинной одежде и с совсем примитивным оружием.

Они выбегают по пять, по шесть воинов. Не страшно! Даже смешно! Я ломаю им кости, режу плоть, рву жилы. Враги умирают, стонут, кричат в момент смерти. Да, именно враги. Теперь враги.

II

Но затем происходит дикая магия. Странная магия. Чужая магия.

Эйдар, наш друид, погрузивший руки в мокрую землю и через нее атакующий врагов, скрывающихся за песчаным холмом, вдруг стал странно дергаться, кричать, а затем истошно завопил.

Я обернулся в его сторону. Все обернулись.

Сначала он будто пытался выдернуть руки из песка, но безуспешно. Затем стал дергать ногами, но не смог вырвать их. Земля будто стала впитывать его тело, погружая все глубже в песок.

– Меня кто-то тянет за собой вниз! – истошно завопил Эйдар, – Помогите мне, силы природы! О, Вотан, Ньерд, Фрейр!

Мы не успели подбежать к друиду. Земля в мгновение ока поглотила его.

На миг я опешил. Никогда не видел такой мощной магии, такой странной.

– Что это было? – услышал я голоса своих братьев.

Варяги, смелые воины, пережившие множество битв, но и они были в замешательстве.

И тут снова.

– Стрелы!

– Щиты! – рявкнул конунг.

Укрылись.

Но не все.

Еще меньше нас осталось на поле сечи.

Врагов на берегу не осталось совсем. Те, кто отправлял огненный дождь, притаились за холмом, во тьме, и оттуда насылали на нас свои беды.

И снова чужая магия!

Конунг прорычал что-то, а затем я увидел, как какая-то неведомая сила разрывает его на части. Но не сразу, а будто невидимый зверь откусывает от бравого предводителя по куску. Сначала правую руку, затем часть ноги, плечо.

Вождь еще сопротивлялся, махал мечом, пытаясь разить бесплотного духа. Некоторые варяги даже подбежали и пытались защитить его. Но все безуспешно. Конунг, наш предводитель, пал, растерзанный жуткой магией.

Тут уж дрогнули некоторые воины Одина. Смелость покинула их. Они побежали, кто куда. Но, судя по звукам, их быстро настигли вражеские копыта и стрелы, в этот раз не обогранные огнем, чтоб затеряться в темноте и стать неожиданным вестником гибели.

«Нет, это непростые люди. Это порождения темных сил! Чтоб сгореть им в пламени Сурта или сгнить в отравленных болотах Хельхейма!»

В итоге, оглядевшись, я обнаружил на берегу лишь себя и еще троих своих братьев Орвила, Эдрога и Увара. Только мы остались стоять на ногах. Остальные пали.

Против нас вышел десяток воинов. И в этой битве погибли Орвил и Увар. Эдрога же я потерял в ночи, но слышал, что он все еще бьется с чужаками где-то недалеко от меня.

Я сошелся в бою с двумя воинами. Щит уже был сломал, и я сражался лишь мечом. Один здоровяк напал слева, я ушел в сторону, пнув его собрата в бок ногой, а сам ловко перехватил меч и вонзил его в живот здоровяка.

Остались мы один на один. Воин был молод. Длинные волосы собраны сзади, лицо не окутано бородой, как у меня, а рукам явно не хватает мощи. Зато есть прыть и острые топоры.

Замах в мою сторону, я отбил удар. Нанес свой, но воин изловчился и перекатом ушел мне за спину. Я вновь пнул его, развернулся и нанес удар сверху.

Тот прыгнул назад. Ловкий малый. Хорошо держится. Еще пара выпадов, но ни мои удары, ни его не достигли цели.

И тут я услышал бой барабана. Сигнал к отступлению? Воин резко развернулся и побежал туда.

«Куда?! Но нет! Я такого не отпущу! Что за игры, Один, дай мне уже убить этого щенка и насладиться запахом его крови!»

Я помчался за убегающим воином. Я его достану. Пусть я буду последним варягом на этой земле, но бой я закончу!

III

Звуки битвы Эдрога затихли сразу же, как я забежал за невысокий подлесок. Я не знал, сколько еще врагов осталось там, во тьме.

Сейчас я видел только мелькающую за кустами и валунами спину этого проныры. Факел освещал мне дорогу меж деревьев и камней, а в нос ударяли новые запахи этого мира.

Тропа вела вверх, в горы.

– Стой, пес! – кричал я вдогонку бегущему воину, – Я вспорю тебе брюхо во имя Одина!

Враг то крался, то бежал, я шел по его следам.

Уже занимался рассвет. Первые лучи солнца облизали горный склон, когда я догнал этого проныру.

– Стой! – еще раз крикнул я.

Он обернулся и что-то яростно прокричал в ответ.

Клинок моего меча быстро нашел древко его топора. Схватка началась.

Мы оказались на небольшом плато, рядом угадывался вход в темную пещеру – наверняка, этот пес хотел здесь спрятаться.

Удар, еще удар. Уворот. Мы сцепились взглядами. Он был на полголовы ниже меня и гораздо легче. Но его ловкость поражала. На каждый мой удар воин отвечал двумя или просто

уходил в сторону, прыгая, замахиываясь своими топориками.

В пылу схватки мы не заметили, как у нас появились наблюдатели. Они не скрывались и смотрели за дракой с голодным любопытством.

Я остановился, мой противник тоже. Мы огляделись. Нас окружили со всех сторон. Этих людей было несколько десятков.

Людей?.. Нет. Скорей горилл. Они стояли на двух ногах, и у них не было шерсти. Но косматые волосы были в грязи. Да и все их тела были измазаны чем-то странным, не то песком и грязью, не то собственным дерьмом, будто эти монстры извалялись в отхожей яме.

Воняло от них еще хуже!

Были эти гориллы огромны. Я считался у себя дома высоким и статным воином. Но эти монстры, будто йотуны, возвышались на полголовы надо мной, и плечи были шире. Огромные лапы сжимали дубины, копья, костяные зазубренные ножи и топоры.

Я-то считал моего пронырливого противника примитивным – кстати, при свете я заметил, что он сам измазан какой-то красной глиной – но эти гориллы были совсем дикими и тупорылыми.

Они нависали над нами и молча смотрели своими дикими глазами.

Мой краснокожий «друг» начал кричать на дикарей, замахиваясь на них топориками. Против таких громадин – жалкая попытка напугать. Его быстро скрутили и выбили оружие.

Пока я наблюдал за этим, ко мне подошли двое. Я ударил одного мечом и сразу отрубил руку.

Но тут последовал оглушительный удар дубиной. Эта горилла чуть башку мне не снесла!

Я опустился на колени. Хотел встать, но последовал еще удар.

«Сына Хормунда и слугу Одина просто так не свалишь!»

Я поднялся, но лишь для того, чтобы окончательно упасть.

На меня напрыгнул один из дикарей и просто вmozжил мою голову в скалу.

Я погрузился во мрак.

«О, Вотан, кто же это такие?.. Что за твари ходят по этой чуждой земле...»

IV

Очнулся я от толчка в спину. Открыл глаза.

Каменные стены, пол, своды. Я в пещере.

Дернул руками – связаны за спиной. Обернулся, сзади спина краснокожего – тоже связан, дергает руками, пытаюсь высвободиться.

Снова взглянул перед собой.

Пять дикарей сидели вокруг костра и что-то жадно обгладывали, какие-то куски мяса на костях. Я пригляделся к их еде и тут же отшатнулся.

Эти гориллы ели человечину. У кого-то из них была рука, у кого-то нога, кто-то обгладывал отрубленную голову, впиваясь зубами в лицо мертвеца.

«О, Вотан, что это за звери такие?! Что за монстры?! Как можно допустить такое?..»

Я оглядел пещеру, и изо рта у меня непроизвольно вырвался вздох ужаса. Я подавил его, но взгляд оторвать не смог – недалеко от меня валялись куски трупов: отрубленные конечности. А еще дальше лежали тела нескольких варягов и краснокожих людей. Целая куча тел.

«Я повидал множество ужасов в сражениях, даже видел, как наш конунг пил кровь из черепа поверженного врага. Но это все война, честный бой. А тут просто резня! Жуткое пиршество людоедов!»

Пока я глядел на этот ужас, в пещеру вошел огромный дикарь. Он молча подошел к краснокожему, поставил его на ноги и разрезал веревки на руках. Проныра попытался вырваться, но дикарь просто взял свой костяной топор и несколько раз рубанул по правой руке краснокожего. Тот завопил, но людоед справился быстро – еще удар, и часть руки краснокожего бедняги оказалась во власти дикаря. Он прижег культю краснокожего головешкой из костра и кинул обезумевшего от страха и боли проныру в деревянную клетку. Швырнув свой топор на землю рядом со мной, дикарь взял полученный деликатес из человечины и, кусая его на ходу, отправился по своим делам. Его соплеменники даже не обратили на него внимания.

«Вотан, помоги».

V

Кровь, кишки, человеческие останки и требуха. В этой пещере было даже более жутко, чем на поле сечи. Вонь била в нос, доводя до тошноты.

Я закипал от гнева.

Краснокожий очнулся в клетке и стал что-то показывать дикарям.

Они обратили на него внимание.

«Что ты говоришь им, мой краснокожий «друг»? Показываешь на твой брошенный подсумок? Ага, там... что это?.. курительная трубка с зельем?.. Ага, я понял, ты предлагаешь раскурить это зловонье дикарям. Да, давайте, олухи, выкурите это зелье полностью! Чтоб вы сдохли от него!»

Но людоеды не померли от трав краснокожего, хотя выкурили зелье полностью. Они просто уснули у костра.

В дальних пещерах были еще дикари, но они сюда не заходили.

А эти псы уже через несколько долгих мгновений погрузились в забвение.

«Отлично! Что дальше?..»

Краснокожий стал звать меня и показывать на свою клетку.

«Хочешь, чтоб я освободил тебя? Подожди, проныра».

Я схватил костяной топор, лежащий рядом, и стал рвать

им свои веревки. Получилось!

Я быстро встал и подбежал к клетке. Рубанул по несложному запору топором и, не дожидаясь проныру, направился в сторону спящих дикарей.

И, слава Одину, рядом с одним из них обнаружил свой меч!

«Ну все, мерзкие твари, это ваш конец!»

Я держал меч в правой руке, топор – в левой. И рубил этих сонных горилл, пока не понял, что костяной топор раскрылся, а меч я вонзаю уже не в тела врагов, а просто в окровавленный камень.

Мне на плечо опустилась рука краснокожего.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде я прочел сочувствие. Он тоже потерял своих братьев, славных мужей и храбрых воинов.

Тут в пещеру вошли двое горилл. Краснокожий молниеносно достал из-за пазухи какую-то трубку и плюнул через нее дротиком. Попал в ближайшего дикаря. Тот ничего не понял, но уже через мгновение упал и стал трястись, будто от укуса змеи.

Яд – быстрая и мучительная смерть.

Второй дикарь успел проорать – видимо, сигнал к атаке, но получил от меня мечом по черепу.

Из дальних пещер послышались жуткие крики и рев, и мы с пронырой поняли – пора бежать.

Краснокожий целой рукой схватил один из своих топори-

ков, и мы выскочили из пещеры.

Солнце уже всюду припекало каменистый склон.

Стали пробираться сквозь колючие кусты и скалы. Внизу виднелось русло реки и небольшой подлесок. Там и можно было скрыться от преследования.

Но далеко мы уйти не успели. Уже через несколько шагов в след нам полетели камни, костяные топоры и копья.

Эти дикари лучше знали местные тропы, поэтому быстро окружили нас.

Мы с краснокожим встали спина к спине.

Первых трех людоедов убили быстро – казалось боевое мастерство.

Но дальше этих горилл становилось все больше. Я стал уставать – раны не давали покоя. Проныру тоже покидали силы – сражался одной рукой.

Я взглянул на него. Он слегка улыбнулся и кивнул, признавая наше вынужденное «родство».

А затем в отчаянной попытке заорал и рванул на приближающихся дикарей.

«Что ж ты делаешь, проныра? Ты смелый воин, но тебе бы вторую руку с топором...»

Шансов у него не было. Он вонзил топорик в одного людоеда, да так и оставил свое единственное оружие в черепе врага.

Остальные легко повалили невысокого краснокожего, врезали по лицу дубиной и сразу же стали рвать и потрошить его тело. Дикие людоеды, мясники, живодеры!

Он не сопротивлялся. Выбрал свой путь, отвлекая собой этих тварей. Дал мне шанс спастись, скрыться.

Я еще раз взглянул на бедолагу. Из последних сил он кивнул мне.

«Прощай, краснокожий брат».

Рванув в сторону, я побежал вниз по тропе. Но часть людоедов все же последовала за мной.

VI

Я спустился с горы и оказался в низине реки.

Дикари бежали за мной.

Меч в руке, кровь – своя и чужая – на теле, ярость в глазах.

«Почему я бегу? Я берсерк! Я варяг!

И пусть я последний из своего рода на этой чужой земле, я не смею убегать, как пес, как трус, недостойный сын Хормунда и слуга Вотана. Неужели мне шкура своя дорога настолько, что я драпаю, как шавка, от этих извергов и живодеров?!

Нет! Не бывать этому!

Нельзя бежать. Надо сражаться. Зарубить этих тварей одного за другим.

И не только потому, что я варяг и должен встретить смерть в бою. А потому что таких жутких монстров, дикарей, пожирающих людей, не должно быть ни на этой земле, ни на любой другой!»

Я резко останавливаюсь, разворачиваюсь и гляжу прямо на них. Дикари тоже останавливаются.

Я дико кричу и стучу мечом себе в грудь. И вижу, что даже таких тупорылых горилл, страшит рев берсерка. Это хорошо! Страх убьет их. Я зарублю каждого из них, каждый людоед отвечает моего гнева.

Я бегу на них. Один против десятка. Меч жаждет крови.

Я жажду расправы.

«О, Вотан, дай сил! Прекрасные валькирии, ждите меня!
Братья мои, мы встретимся у врат Его чертога!»

Я кричу и несусь. Последний варяг на чужой земле.

«Вальхалла!»